

ЕВГЕНИЙ ТАВЛЕНКО

«У СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НИ С КЕМ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ КОМПРОМИССОВ»

В НАЧАЛЕ СЛЕДУЮЩЕГО ГОДА ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОРОДСКОГО СУДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВАЛЕНТИНА ЕПИФАНОВА, РУКОВОДИВШАЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМОЙ ОКОЛО ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ, УЙДЕТ В ОТСТАВКУ. ИМЕННО ЕЙ ПРИШЛОСЬ ЗАНИМАТЬСЯ ПОДГОТОВКОЙ К ВВЕДЕНИЮ В СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЕ В 2004 ГОДУ СУДА ПРИСЯЖНЫХ И КОНТРОЛИРОВАТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО ЗДАНИЯ ГОРОДСКОГО СУДА. О ТОМ, КАКИМИ ПРИНЦИПАМИ РУКОВОДСТВУЕТСЯ, КАКИМ БУДЕТ ЕЕ ПРЕЕМНИК И ЧЕМ НАМЕРЕНА ЗАНИМАТЬСЯ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ, ВАЛЕНТИНА ЕПИФАНОВА РАССКАЗАЛА КОРРЕСПОНДЕНТУ ВГ ДМИТРИЮ МАРАКУЛИНУ.

BUSINESS GUIDE: В каком состоянии вы оставляете своему преемнику судебную систему Петербурга?

ВАЛЕНТИНА ЕПИФАНЦЕВА: В работоспособном, но мое мнение субъективно. Скажи мне тридцать лет назад, когда я пришла в суд, что будет так, как сегодня, я бы очень удивилась и не поверила. Изменилось все, но в лучшую сторону. Одни здания судов чего стоят — Невский, Колпинский, Пушкинский, Выборгский (новые здания, введенные в строй в течение последних лет.— **BG**). Еще меня радует, что никто и никогда не говорил — во всяком случае, я не слышала,— что у нас в судах берут взятки. Для меня на первом месте стоит честность. Да, ошибки судьями допускались — куда от них денешься? Но решения эти были честными по отношению к нашим гражданам. Хочется, чтобы и дальше город оставался в этом плане чистым. Так что, система работает стабильно, а что касается недостатков, то нам есть над чем работать. Но в Санкт-Петербурге — кадровый голод, это однозначно.

BG: Вы задели вопрос кадровой политики. Какая она сейчас?

В. Е.: Как во всем государстве. Изменения произошли, и очень большие. Раньше при отборе кандидатов мы смотрели на личностные качества, на способности освоить профессию, а сейчас смотрим в биографию: все ли в ней хорошо? Первым задаем вопросы о работе родителей или мужа, других родственников: не работают ли они в адвокатуре, прокуратуре или, не дай бог, в суде? В этом случае мы даже не рассматриваем такие кадры — они не пройдут. Раньше муж с женой могли спокойно работать в разных судах, а теперь считают, что это коррупционная составляющая. Какая? Я не знаю. Лично мне происходящее непонятно.

BG: А кого бы вы хотели видеть среди судебного корпуса?

В. Е.: Мне хотелось, чтобы в суде работали коренные порядочные петербуржцы, сохраняющие дух города и его принципы в судебной системе, все-таки мы культурная столица. С ужасом думаю о вливании в наши ряды иногородних, несущих свои

устои и традиции, впитанные с молоком матери и не всегда подходящие судебной системе Петербурга.

BG: Как председатель суда какими принципами вы руководствовались?

В. Е.: Принцип один: решения, которые принимает руководитель, должны быть понятны и прозрачны. Я ставлю честность на первое место, честность по отношению ко всем: и к тем, с кем ты работаешь, и к тем, на кого ты работаешь, а это наши уважаемые граждане.

С Полудняковым (прежний председатель горсуда Петербурга Владимир Полудняков.— **BG**) мне было очень легко работать, но я немножко пожестче, если сравнивать мое и его правление. Он был более мягкий человек, боялся кого-то обидеть, я не такая. Если ты исправляешь что-то, и это необходимо, и надо резать по живому, то куда деваться? В этом случае человеку надо в глаза сказать: ты не можешь работать. И у меня таких случаев было немало.

BG: Приходилось ли вам как руководителю принимать тяжелые решения?

В. Е.: Нет, у меня не было таких решений, которые бы дались, как говорят, «с кровью». У меня нормальные взаимоотношения с различными городскими ведомствами и структурами. Разногласия есть, это естественно, но ты всегда можешь отстоять свою точку зрения мирным способом: объяснить, почему одно можно, а другое — нельзя. И я старалась, чтобы мой оппонент все понял. Такое мое кредо: никогда не вставать в позу, всегда надо идти на контакт. Но не на компромисс, безусловно. У судебной власти, на мой взгляд, ни с кем компромиссов быть не может.

BG: Видимо, ваши коммуникационные таланты помогли вам построить новое здание горсуда без единого скандала в публичном пространстве. Как вам это удалось?

В. Е.: Далось это сложно, очень сложно. И у нас, поверьте, прошло все не так гладко, как хотелось бы. Хотя мы в новом здании уже четыре года, но у нас продолжают арбитражные споры со строителями из-за недоделок, мы, правда, ситуацию не афишируем и не жалуемся. Главным в этом процессе был жесткий контроль:

каждую неделю я бывала на стройке, начиная с закладки фундамента. Строители шли нам навстречу. К примеру, со стороны граждан — огромные коридоры, такие же должны быть со стороны судебных кабинетов. Но тогда залы заседаний были бы узкими, длинными, с плохой акустикой. Поэтому колонны пришлось передвигать, уменьшая коридоры, где ходят только судьи. Отдаю должное Силукову (Валерий Силуков, глава Управления Судебного департамента по Петербургу.— **BG**), державшему руку на пульсе этого проекта: деньги шли через их УСД. И хочу сказать, что никто никого не уличил, что где-то к кому-то прилипли эти деньги. Наоборот, сэкономили 700 млн рублей.

BG: Большой вопрос: аресты предпринимателей.

В. Е.: Если вы имеете в виду избрание судами Санкт-Петербурга мер пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности, то здесь вот в чем дело. Когда предприниматели обманывают друг друга — это одно: в самом понятии бизнеса уже заложены риски. А вот когда тебе государство выделило большую сумму и ты смошенничал, положил деньги себе в карман, рука у судей не поднималась выпускать из-под стражи или избирать иную меру — пусть присидит и подумает. В городе стоял вопрос именно по таким делам, где расхищались бюджетные деньги, и огромные суммы.

Позиция Верховного суда РФ по данному вопросу выражена в двух постановлениях пленума: от 19 декабря 2013 года № 41 и от 15.11.2016 года № 48. Когда в 2016 году было вынесено 48-е постановление, мы в Петербурге держались до последнего именно по этой категории дел и думали: будет, наверное, какое-то исключение. Но сейчас перестроились. Хотя согласитесь, за державу обидно: девять-десять миллиардов хапнул, а его под домашний арест? Ну что такое домашний арест? Все прекрасно знают! Одна Васильева (экс-глава департамента имущественных отношений Минобороны Евгения Васи-

льева осуждена к пяти годам колонии за мошенничество, провела под домашним арестом около трех лет.— **BG**) чего стоит — по телевизору показали, как ей хорошо жилось под домашним арестом.

BG: А каким вы видите своего преемника? Что это должен быть за человек?

В. Е.: Умным, честным, профессиональным. Однако скажу сразу: я ему помощником не буду. Человек, приходящий на эту должность, должен сам набить шишек и никогда не пользоваться советами других. Выслушать можно, но принимать решение — только тебе. Преемник должен быстро встать на ноги и стать самостоятельным. И без «звонка другу» этот процесс происходит быстрее. Мне в свое время хороший урок преподавал Полудняков, сказав на прощание: «И не звони мне». Я сначала очень обиделась, но промолчала. И только потом поняла, насколько он мудрый человек. Сразу приучил меня думать самостоятельно, иначе я по любому поводу обращалась бы к нему. А он очень резко оборвал эту возможность, что было мне только на пользу.

BG: Есть уже планы на будущее после отставки?

В. Е.: Летом — это дача, безусловно, путешествия, хочется книги почитать. Причем не на бегу или в интернете что-то по диагонали глянуть. Хочется взять в руки бумажный томик, усесться спокойно и знать, что никто не дернет. Груз ответственности на этой должности, где бы ты ни находился, давит, и ты его постоянно ощущаешь.

BG: А преподавать не планируете?

В. Е.: Никогда и ни за что! Я не могу делать работу плохо, а с учетом требований и осведомленности современной молодежи, которая много чего из интернета знает, преподаватель должен быть очень хорошо подготовлен. Они же не будут слушать какие-то мои байки из судебной практики, они захотят знать что-то ценное о предмете, который я буду читать, для этого требуется подготовка, а я уже не хочу. И замечу, авторитет зарабатывается очень долго, а теряется на раз. Мне не надо, чтобы студенты говорили о моей работе: непонятно, о чем она. ■